

УДК 808,2-3

О.В. Данич

Явления культуры как источники формирования идиом поведения

Цель данной статьи – рассмотрение явлений определенной культуры, служащих базой формирования и функционирования идиом с выраженной культурно-национальной принадлежностью. Интерес к данной проблеме можно объяснить настоящей необходимостью оперирования проявлениями языка культуры при описании содержания культурно-национальной коннотации идиомы.

Воспроизводимые из поколения в поколение явления культуры не являются загадкой при расшифровке хотя бы приблизительного их смысла благодаря традиционной их преемственности в сознании народа – носителя языка. По этой причине они и выступают как своего рода “клише” культурно-национального миропонимания и служат тем информационным фоном, на котором воспринимается культурное содержание фразеологизмов. В качестве иллюстративного материала мы будем использовать идиомы русского и белорусского языков, формирующие идеографическое поле человеческого поведения.

К наиболее значимым явлениям культуры, как нам кажется, следует отнести следующие:

1. Ритуальные формы народной культуры (сватовство, поминки, поверья, мифы, заклинания и т.п.), отраженные в идиомах: *вешать собак, заговаривать зубы, бросать слова на ветер, бобы разводить, вбивать осиновый кол в могилу, перебежать дорогу, перемывать косточки, мазаць дзёгцем, у кулеш сцерці, з ветру вярoўку віць, атрымаць гарбуза* и др.

2. Паремнологический фонд, поскольку поговорки и есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками формировавшейся обы-

денной культуры. Как пишет И.М. Снегирев, “ни в каком употреблении речи столько не обнаруживается характер и образ мыслей народа, или лучше сказать, весь народ, как в своих пословицах, в коих он обличает себя; сравнение их весьма наставительно и занимательно” [1]: *заварить кашу (сам кашу заварил - сам ее и расхлебывай), выносить сор из избы (из избы сор не выноси, а в уголок копи), чужими руками жар загребать (чужими руками жар загребать легко), гоняться за двумя зайцами (за двумя зайцами погонишься - одного не поймаешь), садиться не в свои сани (не в свои сани не садись), кусать локти (близок локоть, а не укусишь), небо коптить (без дела жить - только небо коптить), пускать козла в огород (пустив козла в огород, яблонь страхом не огородишь).*

3. Система образов-эталонов, запечатленных в устойчивых сравнениях типа *упрямый как осел, как банный лист пристал, как язык проглотил, как ветром сдуло, как волк на привязи, как из-под земли вырос, как муху проглотил, как резаный, как собака на сене, как ужаленный, привяжусь як чорт да старой ігрушыны, як агнем апякло, злосны як спасаўская муха, прапаў як у ваду ўпаў, выскачыў як чорт з вады, як мыла з'еўшы, карысці як з быка: ні руна, ні малака, як блёкату аб'еўшыся, як варам абліты, як у матчыным жываце* и др.

Подобные эталонные сравнения могут быть основаны на сопоставлении с животными, растениями, вещами, явлениями природы и т.п. Важность этих явлений культуры связана с тем, что эталоны возникают в результате измерения человеком своих свойств с “нечеловеческими” свойствами, носители которых становятся эталонами свойств самого человека.

Объект реального мира, воспринимаемый как эталон, становится знаком определенной культуры, так как в данном случае речь идет не просто о мире вообще, а о мировидении народа – носителя этой культуры. Так, например, русские сравнивают злого, раздраженного человека с собакой, волком на привязи, белорусы могут сравнить со спасовской (осенней) мухой. Эталоном бесполезности для русских служит козел, для белорусов – бык, хотя основание для подобного сравнения одно: ни молока, ни шерсти. Языковые выражения этого типа служат средством освоения эмпирически познаваемой действительности и одновременно средством ее оценивания в образах-эталонах, имеющих прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, обычаям и традициям, так как, по словам В.А. Масловой, “язык несет в себе отпечаток духовной и материальной культуры народа” [2].

4. Слова-символы или слова, получившие символьное прочтение. Например, душа (символ жизни: *тянуть душу, травить душу, рвать душу, вытрасці душу, ад'ядаць душу, гнаіць душу*), грязь (символ моральной нечистоты: *втаптываць в грязь, мешаць с грязью, обливаць грязью, таптаць у грязь*), для носителей белорусского языка земля - символ смерти (*з зямлёю змяшаць, на чорную зямлю скапытаваць, з зямлёю знодаць*).

Как видим, символы с культурно-национальной окраской, вошедшие в состав языковой единицы, награждают ее устойчиво ассоциируемым с ней смыслом, который и указывает на концепт, не формирующий ее собственно языкового значения.

5. Христианство с его теософией, нравственными установками и ритуалами. Д.Фрззер утверждал, что вся культура вышла из храма. Несомненно, что именно христианство, обращенное ко внутреннему миру личности, принесло с собой более высокую духовность. Фразеологизмы, вышедшие из религиозных дискурсов, представляют собой разного рода цитации (*продать за тридцать сребреников, зарывать талант в землю, камня на камне не оставит, петь Лазаря*).

6. Интеллектуальное достояние нации и человечества в целом : философия мироздания, ее осмысление истории, литература и т.д. Например, *галопом по европам* (от названия статьи поэта А. Жарова о поездке по Европе), *золотая середина* (перевод латинского выражения *aurea mediocritas*, которое принадлежит древнеримскому поэту Горацию), *остаться у разбитого корыта* (из сказки А.С.Пушкина "Сказка о рыбаке и рыбке"), *сражаться с ветряными мельницами* (из романа Сервантеса "Дон Кихот"), *плясать под дудку* (из басни Эзопа "Рыболов и рыбы"), *как собака на сене* (восходит к басне Эзопа о собаке, которая рычит на лошадей и не допускает их к сене, хотя сама сена не ест), *быть между молотом и наковальней* (от названия романа Ф.Шпильгагена "Между молотом и наковальней").

Однако следует отметить невысокую продуктивность этих явлений культуры при анализе культурно-национальной коннотации фразеологизмов, поскольку истоки устойчивых выражений следует все же искать в народном творчестве, в религиозных установках, в том числе языческих.

7. Сведения о реалиях, которые служат предметом описания в страноведчески ориентированных словарях. Это слова типа: *баня* (*задать баню*), *лапоть*, *щи* (*лаптем щи хлебать*, *абуць у лапці*), *хата* (*падвесці пад дурнога хату*), *сметнік* (*выкінуць на сметнік*), *сырыца* (*выкручваць сырыцу*), *лыко* (*ставіць всякое лыко в строку*), *решето* (*воду в решэце носіць*), *береста* (*вертэцца як береста на огане*), *кірмаш* (*выкручвацца як цыган на кірмашы*), *рожон* (*лезць на рожон*), *помочи* (*водіць на помочах*), *аброць* (*надзяваць аброць*), *ижица* (*пропісаць ижицу*), *карак* (*па карку заехаць*) и др.

Данный источник служит особенно благодатной почвой для начального этапа исследования культурно-национальной специфики фразеологизмов, так как является опознавательным знаком принадлежности к определенной культуре. Однако только лишь выделения национально окрашенных языковых единиц, их расшифровки недостаточно, поскольку вне пределов исследования остается воздействие культурного фактора в языке на ментальность народа – носителя языка.

Упомянутые выше источники являются внешними по отношению к языку семиотическими кодами культуры. Существует внутриязыковой ресурс культурной интерпретации фразеологизмов – это само образное содержание, которое может служить подсказкой для культурно-национальной интерпретации, если оно отображает характерные черты мировидения. Иначе говоря, образцы свойств, событий, фактов способны выполнять роль культурных знаков.

Как представляется, наиболее ярким средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов служит именно образное основание (в том числе и включающее в себя культурно маркированные реалии).

Следует отметить, что при лингвокультурологическом анализе фразеологического фонда наблюдается корреляция образного основания с другими явлениями культуры, усиливающая культурно-национальную окрашенность данных языковых единиц. Проиллюстрируем это положение на примере нескольких тематических групп русских и белорусских идиом, обозначающих поведение.

В образных основаниях русских и белорусских идиом, обозначающих пассивное и откровенное бездействие, лежат ситуации, указывающие на стереотипную нерабочую позу (*лежать на печи*, *сидеть сложа руки*, *сиднем сидеть*, *просиживать штаны*, *крыцаю ляжаць*, *бакі аціраць*). Их культурная интерпретация осуществляется, как мы полагаем, в соотношении с одной из стереотипных установок "практической философии" народа, согласно которой "под лежащий камень вода не течет". Содержанием культурно-национальной коннотации в данном случае будет осознание того, что откровенное бездействие –

это что-то вроде камнеподобного состояния. Ясно, что подобное поведение вызывает чувство-отношение негативного характера, поскольку такое время-провождение чревато для субъекта неприятными последствиями в дальнейшем (посл. *"зультай ляжыць, а ліха бяжыць"*). Однако следует помнить, что в русской фольклорной традиции Емеля, который не покидал своей печи, Илья Муромец, лежавший на печи тридцать лет и три года до нужного момента, являются несомненно положительными персонажами. Дело, по-видимому, заключается в том, что не склонность к бездействию вообще является национальной чертой, а следует признать рациональными определенные моменты этого бездействия (не безделья), ибо, по словам Р. Энтони, "...деятельность не всегда означает подвижность. Иногда мы наиболее деятельны, когда станем совершенно неподвижными и позволяем своему внутреннему "Я" работать внутри нас" [3].

Нанесение прямого физического ущерба другому человеку отражено в идиомах, объединенных общим признаком – физическое воздействие влечет за собой травмирование тела (*дать по шее, спустить шкуру, па грыбах даць, даць у косці*). В случае, когда целью действий является уничтожение адресата, травмируются жизненно важные органы (*перегрызть горло, свернуть шею, выпустить кишки*). Носители белорусского языка для обозначения подобного поведения употребляют также белорусские идиомы, имеющие единую образную мифологическую основу – земли как символа смерти (*з зямлёю змяшаць, на чорную зямлю скапытаваць, з зямлёю знодаць*) и, предположительно, ритуальную основу (*у кулеш сцерці, зрабіць блін* – блины, а в некоторых районах Беларуси и кулеш, являлись традиционной принадлежностью поминального стола). В идиомах *даць перуноў, даць чарцей* можно усмотреть реликты прежнего языческого многобожия (Перун – верховное языческое божество, способное наказывать провинившихся, метая громы и молнии). Интересно отметить, что синонимичное употребление этих идиом свидетельствует об уравнивании верховных богов с мелкой нечистью, в чем явно просматривается влияние христианства, для которого и Перун, занимающий центральное место в паноптикуме языческих божеств, и черти – бесы одного ранга.

Данные действия квалифицируются как преступления против жизни и здоровья, что отражено в нормативных актах. Основания для отрицательного отношения к такого рода поступкам у русских и белорусов можно искать также и в христианской заповеди: "не убивай; кто же убьет, подлежит суду" [4].

Анализ внутренней формы идиом со значением поведения, определяемого как чрезмерная опека другого человека, показал, что в основе лежит восприятие взрослого или почти взрослого человека как ребенка. Например, в идиоме *носить на руках* отражен "способ перемещения" младенца, в *– гладить по головке* – обычай поглаживать незаросший "родничок" на его головке, создавая рукой как бы защитное поле, *души не чаять* – архетипическое представление о душе, как о ребенке [5] – состав идиомы как результат табуистического употребления частицы *не*: *чаять душу* – ждать ребенка, а если желанной беременности все нет и нет, то, чтобы не "сглазить" ее наступление, говорят "не чаять душу", *сдувать пыль* – удалять следы вредных воздействий окружающего мира.

Думается, что способность человека так относиться к другому заложена в самой природе человека (и не только человека), это инстинктивное стремление защищать, оберегать более слабого (который нуждается в защите, скорее всего, лишь в твоём воображении).

Анализ образного основания идиом, обозначающих оказание содействия, помощи адресату, позволил выяснить, что человек, оказавшийся в трудном положении, представляется как бы лишенным опоры, которую ему нужно

“предоставить”: *протянуть руку помощи, поставить на ноги, падпіраць плячом*. Подобное поведение оценивается носителями и русского, и белорусского языков положительно, так как склонность к взаимопомощи является типичной чертой человека как коллективного по своей природе существа. Можно также предположить, что такая положительная оценка связана и с библейской заповедью: “Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас” [4].

Таким образом, для выявления культурно-национальных черт фразеологии следует использовать проявления языка культуры, содержащие результаты собственно человеческого самосознания, как источник интерпретации, которой подвергается образное основание идиом с учетом влияния остальных макрокомпонентов структуры значения идиом.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Снегирев И.М.** Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах. Н.Новгород: Братья славяне, Три богатыря, 1996. - С. 152.
2. **Маслова В.А.** Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека // Этнопсихоллингвистика. М.: Наука, 1988. - С. 120.
3. Энтони Р. Секреты уверенности в себе / Пер. с англ. К.Савельева. М.: Мирт, 1994. - С. 25.
4. **Новый завет.** М.: Протестант, 1993. - С. 19, 41.
5. **Аксянчук Г.Я.** Чалавечая душа ў люстэрку рускай фразеалогіі // Веснік БДУ, сер. 4, 1996, № 1. - С. 53.

S U M M A R Y

In the article cultural phenomena which serve as the sources of the culture and national marked idioms of the Russian and Belarusian languages are studied. The research allows to see specific character of the Russian and Belarusian mentality, reflected in the language, in a new light.